АПРѢЛЬ. 1894.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 4.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Фонтанка 92.
1894.

СОДЕРЖАНІЕ.

СТРАН.

1. **Друзья.** Романъ *А. С. Шабельской.* Конецъ первой части . . . . . 5— 64
2. **Судьбы русской философіи.** IV. Эстетическіе и антропологическіе взгляды Галича. *М. М. Филиппова.* 65— 92
3. **Дочери командора.** Романъ *Іонаса Ли.* (Переводъ съ норвежскаго В. М.). Окончаніе . . . . . 93—127
4. **Рой жгучихъ думъ, любовь и гнѣвъ.** Стихотвореніе. *С. Александрова* 128
5. **Прикрѣпленіе крестьянства лѣвобережной Малороссіи въ XVIII столѣтіи.** *В. А. Мякотина.* Окончаніе . . . 129—155
6. **Черты изъ жизни Пепко.** Очерки. *Д. Мамина-Сибиряка.* Продолженіе . . . . . 156—186
7. **Въ темныхъ нѣдрахъ утеса скрывался потокъ.** Стихотвореніе. *С. Александрова.* 187
8. **Захолустье.** Изъ записокъ школьной учительницы. *С. С. Арцимовичъ.* . . . . . 188—224
9. **Современная женщина и ея положеніе въ Западной Европѣ и Америкѣ.** Глава I. Положеніе женщины въ современной Европѣ. *Б. Ф. Брандта.* . . . 225—262
10. **Льдины и волны.** Стихотвореніе. *А. Колтоновскаго.* 263
11. **Черная туча съ тяжелою думой.** Стихотвореніе. *С. Александрова* 264
12. **Нѣчто объ условіяхъ нашего хозяйственнаго развитія.** I—IV. *Николая—она.* . . . . . 1— 34
13. **Юридическая безпомощность крестьянъ.** *Н. Дружинина.* . . . . . 35— 46

(*См. на оборотѣ*).

СТРАН.

14. Новыя книги:

К. Бальмонтъ. Подъ сѣвернымъ небомъ. — Святополкъ Чехъ. Разсказы.—Иванъ Щегловъ. Убыль души. Около истины.—В. А. Бѣлинскій. Провинціальный публицистъ-мечтатель.—И. М. Радецкій. Дѣтское дѣло. Темныя и больныя силы.—Безцѣльный трудъ, «недѣланіе» или дѣло? В. А. Кожевникова.—К. Гильти. Счастіе.—Реклама, ея значеніе, происхожденіе и исторія. Н. Плиснаго.—Сельско-хозяйственный обзоръ Тверской губ. за 1893 г.—Труды 2-го съѣзда агрономическихъ смотрителей вятскаго губернскаго земства.—Н. А. Благовѣщенскій. Сводный статистическій сборникъ хозяйственныхъ свѣдѣній по земскимъ подворнымъ переписямъ.—Новыя книги, поступившія въ редакцію. 47— 66

15. Народно-хозяйственные наброски. XIV. Новыя стремленія въ нашей колонизаціонной политикѣ. *Н. А. Карышева*. . . . . 67— 78

16. Хроника заграничной жизни. *В. Т.* . . . . . 79—100

17. Хроника внутренней жизни. . . . . 101—128

18. Объявленія.

ЗАХОЛУСТЬЕ.

Изъ записокъ школьной учительницы *).

ГЛАВА I.

Странны ощущенія человѣка, впервые подъѣзжающаго къ мѣсту, гдѣ ему предстоитъ поселиться на неопредѣленное время. Тревожныя мысли осаждаютъ его усталую въ дорогѣ голову; мыслямъ тѣмъ не на чемъ остановиться, потому что впереди полная неизвѣстность; необузданныя и шальныя, онѣ рисуютъ неустанно мрачныя картины и предчувствія, особенно, если на новомъ мѣстѣ предстоитъ перемѣнить и дѣятельность, и привычки, когда обстоятельства уничтожаютъ его лучшія надежды и планы.

Чувствуется обида и душевная боль отъ этой гнетущей силы обстоятельствъ и той, можетъ быть, роковой связи неизбѣжныхъ случайностей, которая всегда управляетъ человѣкомъ и замѣчается имъ только тогда, когда онѣ приведутъ его уже къ ненавистному концу. Слабые люди любятъ вѣрить въ эту темную силу и называютъ ее судьбой.

И такъ судьба, судьба - индѣйка, гнала меня теперь по пыльной, длинной дорогѣ въ г. Староглуповъ, гдѣ я должна была отыскать себѣ работу.

Шутка сказать, найти работу въ уѣздномъ незнакомомъ городѣ! Какъ ни мало опыта дали мнѣ мои двадцать лѣтъ, я

---

*) Авторъ этого разсказа, Софья Станиславовна Арцимовичъ, родная сестра извѣстной писательницы А. С. Шабельской, погибла трагическою смертью 10 декабря прошлаго, 1893, года. Она была убита въ Луганскѣ, вмѣстѣ съ мужемъ и ребенкомъ, ворвавшимися къ нимъ ночью грабителями. Мы надѣемся представить читателю и другія произведенія этой талантливой женщины. *Ред.*

сознавала всю трудность подобной задачи. А какъ было хорошо въ Тмутараканкѣ—большой слободѣ, отъ которой теперь безжалостно уноситъ меня тройка обывательскихъ.

Тамъ два года подвизалась я въ школѣ, со всякими поощреніями и похвалами отъ начальства и поселянъ. Содержали меня хорошо, результаты были тоже благодарные и вдругъ...

— Не судьба значитъ,—сказалъ мнѣ на прощаніе нашъ батюшка или батюня, какъ мы въ деревнѣ его любовно называли.

Эта его загадочная фраза, брошенная мнѣ на дорогу, привела меня къ самымъ мрачнымъ, фаталистическимъ мыслямъ.

У насъ было два батюшки: законоучитель, онъ же настоятель церкви, и другой, «батюня», добрый крошечный попикъ, забитый и загнанный своимъ товарищемъ.

Какъ онъ былъ милъ въ послѣдній вечеръ, когда я, просидѣвъ уже цѣлый мѣсяцъ безъ дѣла, уложила, наконецъ, свои пожитки, собираясь на завтра ѣхать. Онъ зашелъ ко мнѣ, возвращаясь съ пасѣки и спрятавъ свою лошадь на моемъ огородѣ. Для чего нужна была ему эта предосторожность,—онъ, я думаю, и самъ не зналъ.—Очень ужъ онъ былъ робокъ и загнанъ. Отраднымъ воспоминаніемъ встаетъ передо мной его дѣтски симпатичное лицо. Онъ былъ рябъ и безъ всякой растительности на лицѣ; низкій лобъ, обрамленный густыми волосами, щеки вѣчно припухшія отъ возни съ пчелами, мелкія черты, а главное двѣ длинныя косы на затылкѣ дѣлали его лицо женоподобнымъ. Къ довершенію сходства, въ тотъ вечеръ, входя ко мнѣ, онъ вытащилъ изъ-за полы узелокъ и, подавая его, конфузливо проговорилъ:

— Пирожковъ вамъ, на дорожку!... съ грибками, вы это любите... Эхъ, жалко мнѣ васъ!—заключилъ онъ, садясь.

Мы тяжело молчали. Трещали подъ печкой сверчки цѣлымъ хоромъ; какой-то не веселой стала моя квартирка, пестрѣвшая по всѣмъ лавкамъ узелками, свертками и проч.... Сальный огарокъ шипѣлъ, трещалъ, злился, окружая себя жирной копотью, и наконецъ, не выдержавъ, вспыхнулъ, охвативъ бумажку въ подсвѣчникѣ.

— Вотъ и вы такъ воспрянете духомъ,...—сказалъ отецъ Акимъ,—не нужно унывать; противъ судьбы не пойдешь!.. Въ Староглуповѣ работу найдете... Повидайтесь только съ отцомъ Аполлономъ... непремѣнно... онъ вамъ все устроитъ. А то можетъ быть и замужъ пойдете... Городъ не то, что деревня,—

тамъ много чиновниковъ, можетъ быть, кто нибудь и не пре-не-бре-жетъ...—протянулъ онъ, и добродушная улыбка освѣтила его лицо.

Да, его жалкія слова и наставленія, отличаясь всегда отсутствіемъ всякаго утѣшенія и смысла, были, однако, елейнаго свойства. И по своему, онъ былъ уменъ и осуществлялъ, можетъ быть, идеалъ христіанина, долженствующаго быть мудрымъ, какъ змій, и простымъ, какъ дитя. Будучи безкорыстнымъ, безхарактернымъ, незлобливымъ, онъ всѣ эти отрицательныя достоинства потоплялъ въ неисчерпаемой сердечности своей любвеобильной натуры и рѣдкой безпечности къ злобѣ дня.

Для меня всегда останется загадкой, откуда взялся такой славный попикъ.

Объ его отношеніяхъ къ женѣ, тещѣ и къ прихожанамъ можно бы разсказать цѣлыя поэмы, но онъ ушелъ въ мое прошедшее, а дѣйствительность напомнила о себѣ ярко сверкавшими подъ послѣдними лучами солнца верхушками церквей, показавшихся на горизонтѣ Староглупова. Это небольшой, но живой и торговый уѣздный городокъ. Его окружаютъ громадныя черноземныя степи, примыкающія къ землѣ Войска Донского.

Владѣльцы этихъ богатствъ, крупные помѣщики, никогда не заглядываютъ на свои десятки тысячъ десятинъ и, живя въ большихъ городахъ, подсмѣиваются надъ своимъ уѣздомъ, называя его краемъ свѣта. И они правы. Единственная дорога, идущая изъ губернскаго города въ Староглуповъ, упирается въ его почтовую станцію и дальше никуда не идетъ, теряясь въ навозныхъ колеяхъ двора, такъ что, если бы нашелся туристъ, попавшій въ этотъ градъ, то, доѣхавъ до станціи, ему пришлось бы упереться въ нее оглоблями, а затѣмъ скакать тѣ же двѣсти верстъ назадъ до губернскаго города. Послѣ этого, конечно, у него на долго остался бы въ памяти горько испытанный фактъ—существованія края свѣта.

Благодаря этому, Староглуповъ можетъ похвастаться сохраненіемъ такихъ патріархальныхъ обычаевъ и нравовъ, какихъ не посмѣетъ оспаривать у него ни одинъ выскочка городъ изъ стоящихъ на почтительномъ отъ него разстояніи сотенъ верстъ.

Было уже темно, когда мы подъѣхали, и я вспомнила одного барина, увѣрявшаго, что въ Староглуповѣ въ темныя ночи ходятъ на голоса; при этомъ большую услугу оказываютъ

собаки, разнообразный лай которыхъ очень тонко улавливается обывателями.

Стали показываться огоньки въ окнахъ, имъ рефлекторами служили лужи, по которымъ мы ѣхали. Было нѣчто фантастическое въ этомъ ныряніи изъ мрака въ свѣтъ и обратно: вырвется вдругъ снопъ лучей изъ окна и, неожиданно мазнувъ васъ, такъ ярко нарисуетъ, что вы блеснете всѣми подробностями въ темномъ воздухѣ, а затѣмъ опять уходите въ мракъ. Мѣстами мерцалъ подслѣповатый огонекъ сальной свѣчки, хитро и задорно подмигивая въ отвѣтъ на нескромныя заглядыванія проѣзжаго.

На другой день я пошла къ отцу Аполлону. Чистый дворикъ, хорошенькій домикъ съ галлерейкой, заставленной цвѣтущими олеандрами. Въ домѣ кисейныя занавѣски, темная мебель и гитара на стѣнѣ; все это почти угадывалось моимъ привычнымъ глазомъ въ первой темной комнатѣ, испещренной только полосками свѣта, проходившаго сквозь разсохнувшіяся ставни. На окнахъ герань, волкомеріи и геліотропъ. Запертые въ темнотѣ, они, казалось, задыхались и такъ ожесточенно пахли и бились въ окна къ свѣту, что становилось жалко. Тутъ же томились и зудѣли мухи, но больше ничего живого.

У меня начинала кружиться голова отъ духоты. Вдругъ за мной раздалось: ахъ! Я обернулась. Какая-то стройная фигура, закутанная въ бѣлую простыню, промчалась чрезъ комнату. По восклицанію и по маленькимъ босымъ ножкамъ, мелькнувшимъ уже въ двери сосѣдней комнаты, это была женщина. Вслѣдъ за ней вышелъ о. Аполлонъ—осанистый, среднихъ лѣтъ батюшка. Я назвала себя.

— Знаю, знаю... пріѣхали занятій искать и прекрасно... и прекрасно... За такой пустякъ и такъ васъ обидѣли! и прекрасно, и прекрасно... Мнѣ говорилъ объ васъ о. Акимъ — вашъ батюня, какъ вы его тамъ зовете. Чудакъ онъ — философъ!.. мы его въ семинаріи Сенекой все звали... И прекрасно, и прекрасно что пріѣхали... Что онъ, все такой же? — не отъ міра сего? Знаетъ ли онъ, по крайней мѣрѣ, на комъ теперь женатъ? — ха, ха, ха... Да вы не удивляйтесь, это вѣрно... Когда онъ пріѣхалъ свататься, то перепуталъ свою невѣсту съ тещей, которая, по правдѣ-то, красивѣй была дочки. Ну, онъ и того... давай все за тещей, все за тещей... Смѣху то, смѣху сколько было! Какъ узналъ онъ потомъ, «ничего, говоритъ, это все равно!» Чудакъ вашъ Сенека!

Вошла матушка и молодая хорошенькая поповна, черно-

бровая, румяная, съ легкимъ пушкомъ на щекахъ, какъ на персикѣ. Волоса въ тугихъ темныхъ косахъ, сама высокая, стройная, какъ тополь—красота чисто мѣстная, малорусская. Большіе голубовато-сѣрые глаза бойко смотрѣли изъ подъ длинныхъ рѣсницъ. Ее то я и видѣла въ простынѣ, но она не хотѣла въ этомъ признаться. Оказалось потомъ, что она спитъ въ передней, такъ какъ спальня ея отдѣлывалась къ ея свадьбѣ.

— А вы къ намъ кстати,—заговорила матушка. — Черезъ недѣлю Дунина свадьба и работы бѣда сколько!

Узнавъ, что у меня имѣется швейная машина, она стремительно стала гнать меня и дочь на постоялый дворъ за моими вещами. Пришлось покориться, тѣмъ болѣе, что никто меня и не спрашивалъ о согласіи. На улицѣ къ намъ подъѣхалъ женихъ—блестящій молодцоватый купчикъ. Хотя онъ жилъ тутъ же совсѣмъ близко, но онъ всегда ѣздилъ къ невѣстѣ на ухарской тройкѣ въ наборныхъ хомутахъ. Онъ обязательно взялся перевезти мои вещи. Наружность его, довольно счастливая, была однако не совсѣмъ пріятна. Что-то слащавое и тупое до животности виднѣлось въ его глазахъ на выкатѣ и губахъ, жирныхъ и припухшихъ, какъ послѣ сытнаго обѣда. Расфранченный, вылощенный и прилизанный, онъ, казалось, весь былъ обвѣшанъ часами, какъ его тройка бляхами; по крайней мѣрѣ, безчисленныя цѣпочки и брелоки переплетались такой густой сѣткой на его жилетѣ, что производили именно такое впечатлѣніе. Онъ постоянно перебиралъ этотъ странный арсеналъ своими синеватыми пальцами, напоминавшими щупальцы слизняка. По временамъ, осторожно, крадучись отъ невѣсты, онъ поплевывалъ на нихъ и такъ же воровски, но только отъ нея одной, пришлепывалъ на лбу игривыя колечки черныхъ волосъ. Я узнала потомъ, что въ Староглуповѣ господа, задумавшіе жениться, должны были пріобрѣтать жениховскіе часы, жениховскіе халаты, жениховскихъ лошадей и прочее. Чѣмъ богаче былъ женихъ, тѣмъ болѣе тратился онъ на аттрибуты своего интереснаго званія.

Мы съ Дуней сидѣли на постояломъ дворѣ, пока женихъ хлопоталъ о моихъ вещахъ.

— Вы изъ духовныхъ? — спросила она меня.

— Нѣтъ.

— Самое противное званіе!.. Мой женихъ обѣщается поступить въ дворяне... только сейчасъ этого нельзя...

— Кто же онъ теперь?

— Сейчасъ онъ — почетный гражданинъ... у него бака-

лейная лавка, бойня, салотопенный заводъ. Только бы вырваться, никогда даже не признаюсь, что изъ духовныхъ! Очень весело имѣть мужа въ юбкахъ и косы ему заплетать, ха, ха, ха! а чуть было не принудили! — Мишель! — позвала она жениха, — дай-ка папироску!

Мишель подскочилъ фертомъ и выпятилъ свою блестящую грудь передъ невѣстой. Изъ кармана его жилета высовывался золотой портпапиросъ. Дуня очень развязно вынула его, закурила папироску и закашлялась съ видимымъ отвращеніемъ непривычки и неумѣлости.

— Плохо у васъ подвигается это дѣло... ну, ну, хорошенько, затянитесь! — поощрялъ ее женихъ.

Она давилась, кашляла до слезъ и опять давилась дымомъ, вызывавшимъ судороги на ея хорошенькомъ лицѣ, а женихъ безжалостно настаивалъ и горячился, хотя и на немъ самомъ мучительно отражались ея гримасы; но почетная гражданка и будущая дворянка должна была умѣть курить.

Семейство о. Аполлона пополнялось еще двумя дѣвочками и тремя мальчиками. Всю эту компанію нужно было обрядить къ свадьбѣ, и мы, кто во что гораздъ, принялись за эту задачу.

Готовилось нѣчто до того грандіозное, что я совсѣмъ робѣла передъ этими приготовленіями. Въ амбарахъ даже устраивались спальни для гостей. Въ домѣ мазали стѣны, мыли, чистили, а въ кухнѣ, среди мучной пыли и чада, суетились и жужжали цѣлымъ роемъ какія то кумушки подъ предводительствомъ неутомимой матушки. Три дня подъ рядъ пекли все булки, затѣмъ пошли папошники, крендельки, миндальные вѣнчики. Кумушки плохо угождали хозяйкѣ, и цѣлые вороха всякого печенья выбрасывались на нашъ столъ, что вмѣстѣ съ лакомствами, таскаемыми женихомъ изъ лавки, служило намъ пищей. Обѣдать совсѣмъ не готовили. Батюшка требовалъ борща.—Борща, ради Создателя, борща,—вопилъ онъ... и не получая никакого удовлетворенія, уходилъ въ садъ и занимался устройствомъ огромнаго досчатаго балагана для танцевъ. Оттуда постоянно слышался его добродушный голосъ и стукъ молотковъ.

Иногда приходили спрашивать у матушки гвоздей или шнурковъ, какъ разъ въ ту минуту, когда сажался въ печь какой нибудь знаменитый папошникъ; матушка негодовала, кричала, отбивалась и наконецъ внѣ себя, красная, изнемогающая отъ усталости, выбѣгала на средину нашей комнаты, обводила мут-

ными глазами присутствующихъ и, раскинувъ руки въ воздухѣ, трагически произносила:

— Гдѣ я!

Это былъ предѣлъ напряженности ея административныхъ усилій. На лицѣ были видны недоумѣніе и страхъ человѣка, нечаянно выпустившаго изъ рукъ рычагъ огромной машины, готовой задавить его. При видѣ этого о. Аполлонъ спѣшилъ скрыться, а матушка, выпивъ стаканъ холодной воды, еще болѣе энергичная и бодрая, завладѣвала рычагомъ.

Дѣти не знали куда дѣваться. Они таскали грязные чулки и набивали ихъ какимъ то зерномъ.

— И прекрасно и прекрасно, будутъ хозяева, — говорилъ о. Аполлонъ.

Много было всѣмъ смѣха и горя, неудачъ и разочарованій, пока выправились всѣ приготовленія къ свадьбѣ. Обычаи Староглупова не допускали никакихъ упущеній, и не существовало достаточныхъ причинъ для самыхъ малыхъ отступленій въ этомъ смыслѣ. Однако къ концу недѣли весь этотъ хаосъ перешелъ въ чистоту, порядокъ и праздничную торжественность: на полу по всѣмъ направленіямъ бѣжали изъ подъ ногъ пестрые половики, сшитые изъ кусковъ всякихъ приношеній, между которыми были такія красивыя и древнія плахты *), что могли бы послужить пріобрѣтеніемъ для археолога. На окнахъ до нельзя накрахмаленная кисея чопорно раздувалась въ пышныя складки. Люстриновыя портьеры были растянуты внизу во всю ширину полотнища и прибиты гвоздиками къ стѣнѣ на подобіе крыльевъ. Стѣны пахли мокрой глиной, а подоконники и двери отдавали тряпками и мыломъ. На всѣхъ лицахъ и въ самомъ воздухѣ носилось упоительное предвкушеніе наступающаго торжества. Въ кухнѣ не было уже кумушекъ, а возился поваръ, но увы! обѣдать намъ всетаки не давали. Матушка возстановляла свои силы около неугасаемаго самовара. Теперь она была удручена предстоящей разлукой съ дочерью, и ея рѣчь лилась такимъ же сладенькимъ и теплымъ ручейкомъ, какимъ непрерывно вливала она въ себя чай изъ блюдечка.

А дочь примѣряла платья, фыркала, бранилась и гнала сестеръ и братьевъ.

— Убирайтесь вы куда-нибудь изъ дому, шушера противная! только не смѣйте ходить въ лавку гостинцевъ выпраши-

---

*) Малороссійская пестрая ткань надѣваемая женщинами цѣльнымъ кускомъ вмѣсто юбки.

вать. Просто наказаніе имѣть столько попинятъ-попрошаекъ!.. даже Мишель жаловался, что скоро все растащутъ.

Леденящимъ холодомъ эгоизма и безсердечности вѣяло отъ этой жадной и мелочной поповны, презиравшей уже всю семью съ высоты своего будущаго мѣщански дворянскаго величія.

— Дуничка, ты бы написала приглашенія къ причту, — имъ еще не послано.

— Ахъ, оставьте, маменька; очень нужно собирать всѣхъ дьяковъ и дьячихъ. Ихъ нужно такъ пригласить, чтобы не успѣли приготовиться, а то еще шлейфы распустятъ, какъ порядочныя.

Глаза матушки увлажились не то слезами, не то паромъ отъ чая, которымъ она спѣшила запивать дочкинъ отвѣтъ.

Я окончила всю работу и обратилась къ матушкѣ съ просьбой указать мнѣ квартиру.

— Что вы! въ такое время? Наканунѣ свадьбы!—заволновалась она.

— Но я уже кончила и должна искать себѣ работу...

— Еще успѣете, а теперь за ваши труды повеселитесь.

Такое произвольное вознагражденіе за недѣльный трудъ не представляло большихъ гарантій въ будущемъ, и я пыталась нѣсколько разъ заговорить съ о. Аполлономъ, но онъ, въ своемъ торжественномъ настроеніи, даже не понималъ меня. «Какъ можно было думать теперь о чемъ нибудь другомъ, кромѣ свадьбы», выражали его недоумѣлые глаза, а на языкѣ все тотъ же отвѣтъ: И прекрасно, и прекрасно!

Выходило что и то прекрасно, что мнѣ жить нечѣмъ, что ничего и не предвидится, что нѣтъ у меня родныхъ и что я безпомощна, все это было прекрасно.

Нечего дѣлать, приходилось ждать и веселиться. Я написала отцу Акиму и понесла письмо на почту. Съ площади, на которой стоялъ величавый соборъ, я попала на широкую улицу. Мнѣ нужно было узнать, гдѣ почта, и я обратилась съ этимъ къ пожилому прохожему въ военномъ пальто. Онъ уставился на меня очень внимательно и съ безпокойнымъ видомъ проговорилъ:

— Весь городъ знаю, а васъ не знаю,—и опять принялся меня разглядывать.

Мимо проходила какая-то торговка.

— Чья такая и откуда, что почты не знаешь! Пойдемъ со мной, мнѣ по дорогѣ.

Мы пошли, а пальто смотрѣло намъ вслѣдъ съ такимъ лю-

бопытствомъ, что я оглядывала себя, думая, не закрался ли какой-нибудь безпорядокъ въ мое платье.

— Это онъ такъ всегда,—для сплетки,—пояснила торговка.

— А есть здѣсь модный магазинъ?—спросила я: мнѣ хотѣлось попытать счастья на счетъ работы.

— А вонъ, сейчасъ за почтой, вывѣска тамъ...

Бросивъ письмо въ ящикъ и пройдя нѣсколько шаговъ, я наткнулась на вывѣску такого содержанія: «Хоменко изъ Парижа, мужескій портной». Ниже, къ удивленію, изображалось дамское платье, а затѣмъ поясненіе: «Онъ же мадамъ».

Я уставилась на этотъ странный ребусъ и уже отчаявалась разгадать его, какъ дверь отворилась и портной, безъ сюртука, пріятно улыбаясь и округляя локти, сталъ приглашать меня войти.

— Я ищу дамскую портниху,—сказала я.

— Здѣсь и мадамъ, пожалуйте,—сказалъ онъ.

Черезъ комнату, въ которой сидѣло нѣсколько подмастерьевъ въ такихъ же откровенныхъ костюмахъ, мы прошли за ширмы, обитыя дырявымъ ситцемъ. Здѣсь, какъ ни въ чемъ не бывало, стояла совсѣмъ раздѣтая барыня и мѣрила платье. Никакой мадамъ не оказывалось.

Дама обращала свои замѣчанія о платьѣ къ тому самому портному, который ввелъ меня. Тутъ только я разгадала ребусъ. Онъ же, т. е. этотъ же самый портной и былъ мадамъ.

Когда я вышла на улицу, я почти громко хохотала.

— Погуляли?—спросилъ отецъ Аполлонъ, когда я вернулась, и не дожидая отвѣта, прибавилъ: «и прекрасно, и прекрасно, и прекрасно».

Онъ говорилъ это такъ убѣдительно, что я забыла всѣ свои неудачи и готова была повторять за нимъ: «и прекрасно, и прекрасно, будемъ ждать и веселиться».

ГЛАВА II.

На другой день къ обѣду повалили во дворъ гости. Огромные фургоны подвозили и выгружали многочисленныя семейства духовныхъ родственниковъ. Пріѣхалъ отецъ благочинный самъ семь. Супруга его, очень чопорная и надутая особа, дер-

жала себя такъ важно, что послужила сюжетомъ для слѣдующаго трехстишія, сочиненнаго отцомъ Аполлономъ:

„Супруга отца Стефана
Такая петербургская дама,
Какой не было у самаго Адама“.

Три дочери этой почтенной дамы были уже взрослыя. Родители съ гордостью говорили: «мои нигдѣ никакимъ глупостямъ не учились, онѣ у насъ доморослыя». Дѣйствительно, эти поповны, прожившія всю жизнь въ деревнѣ и привыкшія считать себя первыми особами, вносили съ собой эту чванливость всюду, куда бы ни появились. Я знала много поповенъ такого типа; все это очень непріятныя особы, завистливыя, мелочныя и съ этимъ вѣчнымъ самолюбіемъ барышень-parvenue, не дающимъ имъ ни одного цѣльнаго увлеченія въ жизни и постоянно наталкивающимъ ихъ на непріятности съ окружающими. Самъ отецъ Стефанъ казался гораздо добродушнѣе своей семьи, но онъ поражалъ своимъ разговоромъ. Вотъ онъ зоветъ свою дочь Лиду:

— Лыдя, это ти?.. пойды прэнэсы мнэ мылё.

Въ этотъ день собрались больше свои духовные и свѣтскіе родственники жениха, да очень короткіе знакомые. Никакихъ важныхъ гостей не было. Молодежь шумѣла и пестрой массой двигалась по залѣ. Въ глаза кидался, куда бы вы ни обратили ихъ, разудалый и живой, какъ ртуть, маленькій человѣчекъ въ военномъ мундирѣ на распашку — дѣлопроизводитель, какъ онъ себя называлъ, или старшій писарь въ канцеляріи мѣстнаго батальона, какъ звали его другіе. Но его неоспоримымъ назначеніемъ была роль шафера на всѣхъ свадьбахъ въ городѣ. Роль эта въ Староглуповѣ сопряжена съ такими трудностями, что только геніальная способность Гермогена Ивановича Тузикова могла утвердить за нимъ славу присяжнаго шафера.

Вотъ онъ, наклонивши одно ухо къ матушкѣ, дающей ему свои инструкціи, — другимъ прислушивается къ порядку въ залѣ; онъ балансируетъ на одной ногѣ, а другая занесена уже въ воздухѣ, чтобы бѣжать; одинъ глазъ устремленъ на матушку же, а другой—строго и выразительно укоряетъ мальчика, уронившаго свѣчу. Одна рука дѣлаетъ вразумительные жесты хозяйкѣ, а другая указываетъ мѣсто для вносимаго стола. Словомъ, онъ уже вполнѣ овладѣлъ ролью, а завтра ему предстоитъ раздача свѣчей съ бантиками и цвѣтами. Въ церкви безъ него никакъ ужъ нельзя, а послѣ всѣ обряды, церемоніи, дирижер-

ство въ танцахъ, откупорка и разливка винъ гостямъ,—впредь на неопредѣленное время, пока продолжится свадьба. Къ нему подошелъ молодой человѣкъ, тоже шаферъ, но изъ новичковъ.

— Гермогенъ Ивановичъ, ради Бога скажите, будетъ сегодня мазурка?

— Это какъ дѣло укажетъ,—отвѣчалъ тотъ съ величіемъ Юпитера.

— Но меня барышни прислали, ради всего святого скажите!—волнуется молодой человѣкъ.

— Это что за новость!.. какъ я могу сказать заранѣе?.. говорятъ вамъ, какъ дѣла укажутъ.

Тузиковъ былъ деспотъ и вволю тѣшился въ подобныхъ случаяхъ.

Въ гостиной привлекала общее вниманіе артистка Раиса Ивановна съ гитарой на колѣняхъ. Это была уже не молодая, очень толстенькая особа — дочь отставной кастелянши блаженныхъ временъ военнаго поселенія. У нея были тщательно подведены бровки, на лбу букольки, губки сложены въ коробочку, въ одеждѣ поэтическая неряшливость. Ее теребили и просили спѣть «Солому»—романсъ, до того прославившій артистку, что нельзя было представить себѣ Раису Ивановну иначе, какъ съ «Соломой». Но артистка знала себѣ цѣну и ждала вдохновенія. Откинувшись на спинку кресла и склонивъ меланхолически головку на плечо, она граціозно отставила мизинчикъ и, взмахнувъ ручкой въ воздухѣ, вызвала нѣсколько дрожащихъ чувствительныхъ нотъ.

— А «Солому»!.. когда же вы споете «Солому»?—вопили всѣ.

— А, что?.. вамъ «Солому»?—будто бы очнулась она и, сдѣлавъ нѣсколько упоительныхъ аккордовъ, запѣла, на единственный въ своемъ родѣ мотивъ, знаменитую «Солому».

Солома, превратясь въ нарядъ
Красавицъ пышною рукою,
Нескромныхъ отражаетъ взглядъ
И защищаетъ ихъ отъ зною.

А гитара дружно подхватывала своими «помъ, помъ, помъ, бумъ, бумъ, бумъ, помъ, помъ, помъ, бумъ, бумъ, бумъ. Далѣе... на послѣднемъ стихѣ:

„И часто въ пламенныхъ сердцахъ,
Любовь сгораетъ какъ солома“ —

Артистка бросила гитару, вздохнула и откинулась назадъ. Этотъ маневръ она всегда продѣлывала, и всѣ знали, что онъ относился къ ея коварному жениху. Преданіе гласитъ, что измѣнникъ, захвативъ большую часть ея состоянія, оставилъ горшокъ съ растеніемъ: «какъ зацвѣтетъ» — сказалъ онъ, «я пріѣду». Невѣста холитъ его, поливаетъ, даря ему всю нѣжность своего тоскующаго сердца, и вдругъ, вмѣсто прекраснаго цвѣтка, изъ горшка выростаетъ вѣроломная тыква — эмблема коварства и измѣны.

— И какъ у васъ, Раиса Ивановна, гитара точно выговариваетъ, ну такъ и выговариваетъ... какъ живая!—разсыпается кто-то передъ нею въ похвалахъ, а Раиса Ивановна, взявъ гитару, еще чувствительнѣе запѣла:

Прочь, прочь,—ни слова!
Не буди, что было,
Не тебя—другого
Въ жизни я любила.

Въ это время въ балаганѣ заиграли полонезъ «Огинскаго» и всѣ бросились туда.

Балаганъ не превышалъ самыхъ скромныхъ ожиданій. Внутренняя его отдѣлка состояла изъ кусковъ газетной бумаги, наклеенныхъ на щели между сѣрыми досками.

Довольно низкая крыша изъ парусины не представляла большихъ удобствъ для бальнаго освѣщенія, и только двѣ стѣнныя лампочки тускло освѣщали потемки.

Въ меблировкѣ господствовала самая трогательная простота, но отецъ Аполлонъ до того настаивалъ, что все это прекрасно и прекрасно, что ему всѣ повѣрили.

Солидные люди размѣстились около столиковъ съ пуншами и закусками, а молодежь затѣяла игры. Кавалеры требовали поцѣлуевъ, а дѣвицы звонко и сочно раздавали ихъ.

Когда началась игра въ жмурки, нѣсколько престарѣлыхъ господъ, точно сорвавшись съ цѣпи, завязали себѣ глаза и стали кружиться. Напрасно имъ толковали, что такъ нельзя, что одинъ кто нибудь ловить долженъ, они ничего не хотѣли слушать; каждый изъ нихъ думалъ, что именно онъ то и есть этотъ одинъ. А можетъ быть они ничего не думали, а думали за нихъ ихъ веселыя ноги, которымъ хотѣлось поразмяться.

Не знаю, входило ли это въ программу Тузикова, или музыканты, которымъ надоѣло пилить какую-то старинную раз-

мазню, вдругъ заиграли «трепака». Матушка встала и величественно прошлась со сватомъ; молодежь пустилась плясать, какъ кто могъ, пристукивая и прищелкивая. Отецъ Аполлонъ отбивалъ ладонями тактъ, лицо его говорило: «И прекрасно, и прекрасно, и прекрасно».

— Подхватывай,—крикнулъ сватъ музыкѣ, и грянула волшебная мятелица. Тутъ ужъ отецъ Аполлонъ не выдержалъ, за нимъ другіе въ соблазнъ вошли. Ихъ длинные хитоны, какъ крылья летучей мыши, развѣвались въ воздухѣ, а молодыя дѣвушки съ раскраснѣвшимися лицами, бряцая бусами, кружились около нихъ. Музыканты все больше и больше ускоряютъ темпъ, и скрипки, доходя до короткаго пронзительнаго визга, какъ полозья саней о снѣгъ, все повторяютъ характерныя двѣ фразы, составляющія всю музыку танца.

Попробуйте повторить ихъ тысячу и тысячу разъ и, пока ваша рука не отвалилась отъ усталости, ухо малоросса будетъ упиваться, и ноги его, дрожа всѣми жилками, выбиваютъ тактъ, и самъ онъ, возбужденный до послѣдняго фибра, кружась и облетая каждаго изъ танцующихъ, какъ снѣжинка въ мятели, не уймется и не остановится.

— Еще, еще,—завывала мятелица,—когда музыканты грозили остановиться, и кончилось это лишь тогда, когда инструменты сами попадали изъ замлѣвшихъ рукъ ихъ. Едва замерли послѣдніе звуки, какъ всѣ, тяжело дыша и брезгливо отмахиваясь отъ собратьевъ, лѣнивой перевалкой потянулись къ стульямъ.

— Ахъ, ну васъ!.. заморили совсѣмъ!.. Ахъ, чтобъ вамъ... въ соблазнъ ввели... ухъ!.. ахъ!..—слышались со всѣхъ сторонъ обоюдные упреки до нельзя усталыхъ и вспотѣвшихъ гостей.

Какъ-то конфузливо улыбаясь и не глядя другъ на друга, они, точно сознавъ, что послѣ такого бѣшенства можно только лечь спать, вдругъ всѣ грузно снялись и разошлись на ночлегъ.

Слѣдующій день принесъ съ собой торжественное религіозное настроеніе. Въ программѣ Тузикова значилось: благословеніе молодыхъ, обрядъ вѣнчанія, красный столъ и балъ. Во время благословенія, матушка произнесла нѣсколько прочувствованныхъ пожеланій молодымъ, высказавъ увѣренность въ ихъ счастьѣ, которое должно уподобиться ея собственному, а отецъ Аполлонъ, въ слезахъ и растроганный, порывался сказать очень много и хорошо, но произнесъ только свое обычное:—и прекрасно, и прекрасно. Женихъ и невѣста изображали на своихъ лицахъ холодное величавое снисхожденіе.

Въ этотъ день начали съѣзжаться гости важные. Самымъ почетнымъ былъ городской голова, купецъ, Сергѣй Ивановичъ Подопригора. Уложивъ свое тучное тѣло въ единственное кресло въ залѣ, онъ самодовольно сіялъ своей пріятной малорусской физіономіей. Его глаза лѣниво щурились и блестѣли хитрымъ огонькомъ хохлацкой добродушной насмѣшки. Онъ былъ богачъ, позволялъ себѣ всякія удовольствія и даже побывалъ въ Парижѣ.

Былъ еще одинъ молодой красивый панычъ атлетическаго сложенія—Шаталенко. Онъ славился силой, повѣсничествомъ и дикой необузданностью своихъ шалостей. Съ нимъ пріѣхалъ его дядя, пожилой брюнетъ съ испитымъ, но симпатичнымъ лицомъ, потомъ исправникъ съ помощникомъ и старшимъ полицейскимъ надзирателемъ.

Подъ окномъ звенѣли наборные хомуты ухарской тройки, убранной красными лентами, чтобы вести молодыхъ въ соборъ, отстоящій всего на нѣсколько шаговъ. Самъ женихъ, сознавая себя героемъ дня, сверкалъ кольцами, запонками и часами, таращилъ глаза, форсилъ и развѣшивалъ губы. Послѣ вѣнца былъ обѣдъ длинный, сытный, уснащенный обиліемъ разнообразнѣйшихъ винъ и наливокъ. Оживленіе все росло и росло. Предлагались тосты за всѣхъ и за все, что только могли придумать отуманенныя головы, и наконецъ бѣлокурый паничъ, сидѣвшій на почетномъ мѣстѣ, со свойственною ему необузданностью, проревѣлъ:

— За здоровье всѣхъ долгогривыхъ, кромѣ того, который отдаетъ красавицу дочку за плюгаваго Мишку!..»

Я съежилась, ожидая, что произойдетъ скандалъ, но и это даже было встрѣчено веселымъ «ура!..» Шаталенко не унимался: онъ зазвенѣлъ въ стаканъ и, возбудивъ общее вниманіе, заговорилъ:

— Слушайте, мѣсяцъ тому назадъ ѣду я по мосту и вижу, купается въ рѣчкѣ какая-то барыня; пышная, прекрасная, какъ Венера... косы черныя, толстыя, какъ змѣи... сама бѣлая...—но лица не поворачиваетъ. Я кричу кучеру—стой! стой!—а онъ мнѣ:—Да чего стоять-то?—Да видишь ты, говорю, — какая красивая купается!..—Гдѣ тамъ, говоритъ, красавица, — это дьяконъ...

Дружный хоръ смѣха покрылъ послѣднія слова разсказчика. Маменьки съ дочками, принявъ этотъ анекдотъ за предостереженіе, поспѣшили удалиться.

Всѣ мы чинно разсѣлись въ гостиной, а изъ залы доно-

сились голоса, и каждый разъ, когда слышался голосъ Шаталенко, покрывавшій всѣ остальные, барышни, точно наэлектризованныя, вздрагивали; даже маменьки не оставались равнодушны. Это былъ кумиръ ихъ, и всѣ онѣ мысленно сватали за него своихъ дочекъ.

Въ балаганѣ музыканты приводили въ порядокъ свои инструменты. Заиграли полонезъ, и вскорѣ раздался дирижирующій голосъ Тузикова.

— Ле кавалеры направо! ле дамы налѣво! Сходитесь!

Ко мнѣ подсѣлъ дядя Шаталенко.

— Аскалонъ Петровичъ Чубаръ,—назвалъ онъ себя. Я тоже отрекомендовалась.

— Знаю, знаю,—сказалъ онъ,—потому и подсѣлъ къ вамъ, познакомиться хочу.

Это былъ когда-то богатый помѣщикъ, ознаменовавшій свое совершеннолѣтіе тѣмъ, что распустилъ крѣпостныхъ, но было это за годъ до манифеста, и никто не повѣрилъ въ его добрыя намѣренія. Остались дворовые, сами не хотѣвшіе уходить отъ барина, и вотъ, сообща съ ними, съ рѣдкимъ самоотверженіемъ, отказывая себѣ во всемъ, Чубаръ, доискиваясь раціональныхъ началъ въ новомъ хозяйствѣ, прожилъ все свое состояніе въ нѣсколько тысячъ десятинъ земли. Осталось у него еще десятинъ двѣсти, а когда сгорѣлъ его старинный барскій домъ, Шаталенко перетащилъ дядю на жительство къ себѣ.

Былъ онъ еще страстный любитель всего національнаго—малорусскаго. Всю жизнь собиралъ пѣсни и пословицы, работалъ даже надъ словаремъ, но все это сгорѣло съ домомъ. Разсказалъ мнѣ о немъ о. Аполлонъ, удивлявшійся лишь стоицизму, съ которымъ онъ глядѣлъ на пожаръ, сожалѣя только о своихъ запискахъ и книгахъ.

Чубаръ, сидя подлѣ меня, какъ то растерянно молчалъ, а потому я сама заговорила:

— У васъ, кажется, было большое несчастье — сгорѣлъ домъ...

— Несчастье небольшое...—отвѣчалъ онъ.

— Но и ваши работы—тоже...

— И то не бѣда, потому что я все равно ихъ не кончилъ бы.

— Почему же?

— Я изъ тѣхъ, которые ничего до путья не доводятъ. Да скоро и конецъ мнѣ,—добавилъ онъ совершенно просто.

— Какъ же вы это можете знать?

— Пью, а мнѣ это вредно. Такъ, милая барышня, я и теперь немного пьянъ, потому такъ и откровененъ. Пока я могу еще здраво говорить, скажу вамъ вотъ что:—этотъ долговязый, съ которымъ я пріѣхалъ—мой племянникъ. Онъ открылъ у себя въ деревнѣ школу, а я было возъимѣлъ дерзкую мысль преподавать въ ней; но какъ я ни къ чему не способенъ, то и это дѣло у меня изъ рукъ вывалилось, къ тому же и пьянство это... у долговязаго пуще еще стало. Теперь мы рѣшили поискать учителя... и—вотъ, вы, кажется, по этой части?

Проговоривъ всю эту тираду, онъ добродушно усмѣхнулся и посмотрѣлъ на меня.

Было что-то дѣтски довѣрчивое въ его улыбкѣ и во взглядѣ карихъ потухшихъ глазъ.

— Вы не бойтесь того, что я пью, и что мой племянничекъ повѣса, вы у насъ будете, какъ у Бога за пазухой. И пью я совсѣмъ на иной манеръ.

Я расхохоталась, а онъ продолжалъ:

— Вотъ и школа наша совсѣмъ тоже на особыхъ основаніяхъ. Мой верзило племянничекъ долженъ былъ въ солдаты идти, и такъ какъ онъ нигдѣ не учился, то служба предстояла длинная, ну, гдѣ же на сливкахъ откормленному щи хлебать; оно бы еще ничего, да нравъ то у насъ черезъ-чуръ буйный, такъ вотъ мы, вмѣсто солдатчины, другую повинность отбываемъ. Понимаете?

Я ничего не поняла. Чубаръ посмотрѣлъ на меня, какъ смотрятъ на дитя, которое не поняло самыхъ обыкновенныхъ вещей.

— Учителемъ считается Шаталенко, а учить будете вы. Поняли теперь?

— А начальство?—спросила я испуганно,—помня свою недавнюю исторію.

— Начальство, начальство знакомое, смотритъ вотъ такъ,— и онъ посмотрѣлъ сквозь пальцы.

Мы умолкли. Чубаръ разсматривалъ танцующихъ. Какое то чувство страха и невольнаго успокоенія волновало мою душу. Опять школа, опять мое любимое занятіе. Я вглядывалась въ колоссальную фигуру Шаталенко, желая прочесть на его лицѣ его отношенія къ школѣ, но увы! чѣмъ больше я на него смотрѣла, тѣмъ сильнѣе чувство страха овладѣвало мной. Что-то дикое и разнузданное было во всѣхъ его выходкахъ.

Дамы ухаживали за нимъ, а онъ третировалъ ихъ съ высоты своего величія, подкрѣпленнаго множествомъ десятинъ земли и круглымъ невѣжествомъ. Чубаръ пояснилъ мнѣ, что онъ изъ четвертаго класса гимназіи.

— Вы все смотрите на моего племянника?—спросилъ дядя...

— Да,—отвѣчала я.

— Какимъ же онъ вамъ кажется?

Я молчала, мнѣ хотѣлось сказать: «отвратительнымъ», и Чубаръ точно понялъ меня.

— Не относитесь къ нему слишкомъ строго, въ сущности онъ очень добрый малый.

— Я увѣрена, что онъ не кусается,—отвѣчала я.

— Нѣтъ, не кусается,—проговорилъ онъ, смѣясь,—раболѣпство его портитъ.

— А я думаю что-то другое.

— Что?

— Его глупость, онъ вѣрно очень глупъ.

Чубаръ засмѣялся.

— Нѣтъ, не очень,—сказалъ онъ,—но за то ему лучше живется, чѣмъ намъ съ вами.

Я посмотрѣла на Чубара и умолкла. Дядя былъ видимо пристрастенъ къ своему племяннику.

— Гермогенъ Ивановичъ!—окликнулъ Чубаръ Тузикова; тотъ фертомъ подлетѣлъ къ нему.

— Сегодня будетъ мятелица?—спросилъ Чубаръ.

— Что вы, что вы?—замахалъ Тузиковъ руками,—развѣ это прилично сегодня?.. Будетъ мазурка и все какъ слѣдуетъ на порядочномъ балу. Завтра все можно позволить, а сегодня никакъ нельзя.

— Эхъ ты, канцелярская строка... туда же... неприлично!.. а гранъ ронъ приличнѣе что ли?..—Сказавъ это, Чубаръ всталъ и направился къ своему племяннику.

Когда я увидѣла Чубара и Шаталенка идущихъ ко мнѣ, у меня даже сердце забилось отъ чувства страха и непріязни къ господину племяннику.

— Рекомендую вамъ моего дикаря,—сказалъ Чубаръ.

Шаталенко опустился на близь стоящую скамейку и имѣлъ видъ пристыженнаго школьника. Это меня нѣсколько смягчило.

— Ну, говори же на счетъ школы,—сказалъ дядя.

— Да вы все сказали,—отвѣчалъ племянникъ.

— Видите, какой онъ у насъ покладливый, мы за него рѣшать можемъ.

Но Шаталенко не слушалъ, онъ уцѣпился за проходившаго отца Аполлона, и тотъ увелъ его къ столику, гдѣ всѣ прикладывались.

Началась мазурка, дамы подпрыгивали и семенили ножками съ оторопѣлымъ видомъ неумѣлости на испуганныхъ лицахъ. Кавалеры же полатали всю соль мазурки въ стукотнѣ ногами объ полъ. И эти туалеты — произведенія Хоменки изъ Парижа!.. Не лучше ли была вчера родная мятелица и простенькія платья? Но это балъ, и какъ можно было не разфрантиться, да еще танцовать мужицкіе танцы. Староглуповъ, этотъ разночинецъ въ фальшивыхъ воротничкахъ и манжетахъ, въ дешевомъ бархатномъ пиджакѣ на голое тѣло... Староглуповъ-разночинецъ не простилъ бы этого!

Я сильно устала и пошла въ домъ отдохнуть, но незамѣтно для самой себя уснула. Меня разбудила матушка и повела ужинать.

Слѣдующій день принесъ съ собой столько безобразій, что описывать ихъ значитъ вторично погрузиться въ какое-то дикое безумное пиршество съ руганью и потасовками. Шелъ дождь, и кто-то, одѣтый въ женское платье, поплылъ въ лужахъ балагана: одинъ изъ гостей танцовалъ съ кочергой, обвязанной красными лентами. Дамы выказали цѣлое море цинизма, особенно отличалась чванная супруга отца Стефана. Я чувствовала себя, какъ въ чаду, и, кажется, опьянѣла отъ запаха водки, царившаго вездѣ.

Вечеромъ опять собрались всѣ въ домѣ. Въ гостиной за столомъ, уставленнымъ дессертомъ, сидѣли дамы, и Раиса Ивановна повторяла свой вчерашній репертуаръ. Чубаръ попросилъ ее спѣть что нибудь малороссійское.

— Я пою только романсы,—отвѣтила она съ достоинствомъ.

— Ну, такъ я вамъ спою свою отечественную серенаду,— сказалъ онъ и, взявъ гитару, онъ, безголосый, но выразительно, съ сердечностью и тончайшими нюансами, возведшими его на высоту артиста, запѣлъ:

Ходе сорока биля потока
Тай кряче, тай кряче.
Ходе Андрійко по підъ віконцемъ
Тай плаче, тай плаче.
Выйды, Маруся, выйды серденько
Тай выйды, тай выйды.
Свичечка лясне, батынько засне
Тай выйду, тай выйду.

Чубаръ артистически съумѣлъ оттѣнить молодые, нетерпѣливые до отчаянія вопли зовущаго Андрійка, всего обратившагося въ трепетъ ожиданія, и откликъ Маруси изъ хаты,—таинственный, многообѣщающій, исполненный почти шопотомъ, какъ слабое эхо того же любовнаго нетерпѣнія. Такое исполненіе не могло не пробудить восторга въ слушателяхъ. Подопригора въ слезахъ навалился съ объятіями на артиста, а за нимъ и другіе. Только чопорныя поповны, Тузиковъ и Раиса Ивановна остались невозмутимыми. Послѣдняя встала, сложила губки въ презрительное сердечко и вышла изъ комнаты. Чубаръ сказалъ:

— Съумѣлъ бы я васъ шевелить, кабы вы были люди!

— А что жъ мы по твоему?—обидѣлся голова.

— А чортъ васъ знаетъ, что вы такое! ни чувствъ у васъ, ни обычая... такъ, каррикатуры вы съ чего то, а съ чего именно, и того не разберешь...

— Однако нашимъ хлѣбомъ-солью не брезгаешь, —сказалъ опять голова.

— Потому и не брезгаю, что это одно только и есть у васъ цѣльное, пьянство да обжорство, — этому мы и другихъ поучимъ!..

— А ну тебя, лучше спой еще что нибудь,—полѣзъ опять цѣловаться голова.

— Нѣтъ, ... больше не стану — жирно и такъ...—отстранилъ его Чубаръ. — Вонъ та, что все «Солому» поетъ; будь въ ней искра Божія... маленькая искорка, крошечная да своя... бытовая!.. да она бы такъ запѣла, что у васъ бы жилки тряслись...

Но его уже никто не слушалъ. Тузиковъ размѣщалъ всѣхъ за столъ...

Наконецъ въ домѣ отца Аполлона стало совсѣмъ пусто. Старики все отдыхали, а дѣти пропадали Богъ знаетъ гдѣ. Я все думала о школѣ, которая въ моей головѣ, переполненной еще свадебнымъ чадомъ, стала казаться какой то фантастической мечтой. Однако черезъ день утромъ за мной прислали лошадей и письмо отъ Шаталенки съ приглашеніемъ пріѣхать посмотрѣть школу и условиться. Въ концѣ письма приписка: «Никто не долженъ знать, куда вы ѣдете». Только что я задумалась надъ невыполнимостью этой легкомысленной приписки, какъ вошелъ отецъ Аполлонъ.

— Что это, отъ Бориса Алексѣевича лошади за вами?

— Да, мнѣ нужно съѣздить. Я сегодня же вернусь.

— И прекрасно и прекрасно... вѣрно въ экономки—и то дѣло. Но когда же вы это успѣли?— Онъ хитро мигнулъ мнѣ въ упоръ, улыбнулся и, закрывъ глазки, прибавилъ шопотомъ:— Первый женихъ на весь уѣздъ... вы бы того... на первыхъ же порахъ... нужно не поддаваться, а настаивать, тогда, можетъ быть, Богъ дастъ! — да впрочемъ едва ли...

— Я совсѣмъ по другому дѣлу.

— Все это прекрасно, прекрасно... я это такъ только. Конечно, всякая тайность обнаруживается впослѣдствіи, и даже очень скоро... Жила тамъ у Бориса Алексѣевича въ слободѣ прекрасная дѣвица — сиротка, покойнаго псаломщика дочка — не умѣла бѣдняжка за себя постоять... обидѣлъ.

При прощаніи съ матушкой тѣ же экивоки, хитрые взгляды и удивленія по поводу такого быстраго знакомства съ панычемъ. Кое-какъ переморгавъ эти сцены, я свободно вздохнула, очутившись въ экипажѣ. Предстояло проѣхать пятнадцать верстъ, и мнѣ было довольно времени подумать.

О, я была еще такъ неопытна, а моя заноза въ сердцѣ такъ больно ныла и такъ молодо и горячо вопіяла протестомъ за себя и близкихъ, что всю дорогу я замирала, какъ отъ любовнаго трепета, и не замѣтила, какъ мы пріѣхали.

На обширномъ дворѣ съ красивыми барскими домомъ и службами происходило кормленіе ужасающе-многочисленной стаи собакъ. Хозяинъ такъ углубился въ созерцаніе ихъ, что мы проѣхали незамѣченными. Меня принялъ дядюшка. Осмотрѣли школу. Пособія послѣдней были болѣе чѣмъ неудовлетворительны: дорогія изданія дѣтскихъ книгъ, бронзовые бювары и отсутствіе самыхъ необходимыхъ вещей. Но школа, помѣщавшаяся въ просторномъ, свѣтломъ и чистомъ флигелѣ, привела меня въ такое пріятное настроеніе, что я согласилась бы на всякія условія вознагражденія.

Однако, этимъ не воспользовались. Чубаръ такъ вступался за мои интересы, что я должна была его останавливать. Меня помѣстили тамъ же въ школѣ. Всѣ заботы о моихъ надобностяхъ возлагались на экономку. Когда переговоры были кончены, рѣшили послать за моими вещами, и я написала матушкѣ прощальное письмо, благодаря ее за гостепріимство. Но этимъ не кончилось. Вмѣстѣ съ вещами пришло длинное письмо отъ отца Аполлона, обязательно уснащенное отеческими наставленіями «не терять стезю добродѣтели и не дать увянуть тому роскошному цвѣтку цѣломудрія, который паче всего украшаетъ невинную дѣвицу».

ГЛАВА III.

Пока выписывались учебныя пособія, я хотѣла ознакомиться съ дѣтьми, но къ моему удивленію никто въ назначенный день не явился, на другой день то же самое. Послали за Чубаромъ—боленъ, Шаталенко—уѣхалъ на охоту. Пришлось прибѣгнуть къ экономкѣ Степанидѣ Петровнѣ. Она приплыла ко мнѣ, улыбающаяся, торжествующая.

— Дѣти не ходятъ въ школу, — сказала я.

— И не будутъ ходить, — отвѣчала она съ величіемъ.

— Какъ не будутъ!—почти крикнула я.

— Не будутъ. Пробовали мужики посылать, но Аскалонъ Петровичъ такъ разбаловалъ ихъ, что дома житья отъ нихъ не стало, ну и говорятъ: на что намъ такая школа, одни жарты *) да смѣшки...

Проговоривъ все это особеннымъ манеромъ, причемъ вездѣ вмѣсто буквы *с* слышалось не то *ф*, не то *в*, Степанида Петровна сложила руки и умолкла. Меня возмущала эта неряшливость хозяевъ. Привезли, бросили, и никому никакого дѣла! Я ходила по пустой школѣ и готова была расплакаться, а Степанида Петровна продолжала:

— Разъ прихожу, а Аскалонъ Петровичъ стоитъ за дверью и стучитъ, дѣти спрашиваютъ: «кто тамъ» — чортъ, — отвѣчаютъ они; «зачѣмъ»—за краской.—Ну виданное-ли дѣло, чтобы съ мужицкими дѣтьми такое обращеніе имѣть. Ну и перестали посылать.

— Что же мнѣ теперь дѣлать? Зачѣмъ я сюда пріѣхала?

Мой отчаянный вопль, повидимому, смягчилъ Степаниду Петровну, и она обѣщала мнѣ свое полное содѣйствіе. Она совѣтовала собрать сходъ и объявить на немъ, что я буду учить строго и никакихъ шутокъ не дѣлать.

— Такъ и скажите, никакихъ шутокъ не буду дѣлать, — добавила она и величественно поплыла изъ комнаты.

На другой день пришелъ ко мнѣ Чубаръ со своимъ племянникомъ.

Я тотчасъ стала изливать свое негодованіе. Чубаръ удивился и видимо былъ смущенъ.

— Отчего же не ходятъ, отчего? — вопрошалъ онъ растерянно, глядя на насъ обоихъ.

---

*) Шутки.

— Оттого,—отвѣчалъ Шаталенко,—что ты ввелъ свою новую методу, чтобъ ученики учителя не боялись. А я вотъ созову ихъ всѣхъ, да и велю выпороть, чтобъ, напротивъ, боялись,—тогда и въ школу ходить станутъ.

Кровь бросилась мнѣ въ голову отъ этого тона и логики взбалмошнаго паныча. Поднялся споръ, характерный споръ, въ которомъ ничего не выяснилось, кромѣ свойствъ самихъ спорщиковъ. Этотъ панычъ былъ отвратителенъ; если кто заслуживалъ быть высѣченнымъ, такъ именно онъ одинъ. Собрали сходъ и на другой день явились дѣти. Забавное зрѣлище представляли они изъ себя. Поднявъ вопросительно брови, разинувъ рты и нетерпѣливо подтягивая носомъ, они, казалось, находились въ пріятномъ ожиданіи, что я выкину какую нибудь штуку; а я, едва сдерживая смѣхъ, старалась разрушить ихъ надежды и привести въ серьезное настроеніе...

Начались будни—трезвыя, здоровыя, трудовыя. Долго пришлось провозиться надъ приведеніемъ школы въ порядокъ и сортировкой дѣтей. Чубаръ приходилъ мнѣ помогать, обнаруживая рѣдкую наблюдательность въ знакомствѣ съ характерами учениковъ. Послѣдніе были съ нимъ на распашку, болтали всякій вздоръ, были шумливы и непослушны. По поводу этого мы съ нимъ поспорили.

— Крестьянскія дѣти никогда не станутъ шалить въ классѣ,—упрекнула я его.

— Я не могъ переносить ихъ испуганнаго оторопѣлаго вида, для того и затѣвалъ игры... но мы всетаки и занимались,— оправдывался онъ.

И я не могла не сознаться, что веселымъ и довѣрчивымъ выраженіемъ лицъ дѣтей я обязана была ему. Вообще, я бы чувствовала себя очень хорошо, еслибъ меня не тревожило это отсутствіе, такъ сказать, высшей санкціи на мое дѣло. Но оставалось брать отъ жизни то, что она даетъ, и я, очертя голову, отдалась блаженному довольству любимымъ дѣломъ.

Наступилъ сухой ясный октябрь, какой бываетъ только въ Украйнѣ. Серебряная паутина стлалась и носилась въ воздухѣ, обѣщая сухую осень, а деревня отливала золотомъ на солнцѣ, запруженная желтыми скирдами новаго хлѣба.

Крестьяне спѣшили молотить, и мѣрный стукъ ихъ цѣповъ стоялъ барабаннымъ боемъ надъ слободой.

Засидѣвшаяся, въ неурожаяхъ, молодежь заволновалась въ сватаньяхъ и въ голосистыхъ хорахъ на улицахъ. Мѣстный батюшка, то и дѣло, садился со сватами за графинчикъ и со-

вершалъ свои договоры. Урожайный годъ сказывался во всемъ. И какъ мало нужно, чтобы разлить это счастье и довольство въ богатой Малороссіи; иногда одинъ только дождь во время сыпалъ такое обиліе, довольство и сытость, что наверстывалъ цѣлый рядъ неурожайныхъ лѣтъ. Деревенскіе старики обыкновенно считаютъ періоды перемежающихся урожаевъ съ неурожаями въ семь лѣтъ у насъ, въ Малороссіи; но вѣрно это отчасти только, а съ появленіемъ хлѣбнаго жука и овражка совсѣмъ не оправдывается.

Я обошла всѣ лучшія мѣста въ деревнѣ. Небольшая рѣчка, мѣстами довольно глубокая и широкая, огибала роскошныя левады и огороды. Здѣсь попадались такія красивыя группы ольхи, ивы и ясеней, какія, опять таки, можно только видѣть въ Малороссіи, гдѣ крестьянинъ, дорожа деревомъ, боится его трогать и предоставляетъ его вполнѣ одной прихоти природы.

Хозяинъ нашъ по цѣлымъ недѣлямъ порскалъ на охотѣ, и я часто прогуливалась въ его громадномъ паркѣ. Не то чтобы страшно было въ смыслѣ отеческихъ наставленій о. Аполлона, но я избѣгала паныча, какъ чего-то совсѣмъ мнѣ невѣдомаго, дикаго, съ запасомъ всякихъ неожиданностей.

Въ саду я наткнулась однажды на старый домикъ, со стрѣльчатыми окнами, съ очень живописнымъ и таинственнымъ видомъ изъ-за густыхъ зарослей вишень и шиповника.

Вдругъ изъ домика выскочилъ дворовый мальчикъ съ ведромъ въ рукахъ.

— Іоська,—позвала я его,—чего ты туда бѣгалъ?

— Крутылу отливаю.

— Что?

— А то, что лучше сюда не ходите, барышня, а то облаетъ...

— Да кто такой?

— Да Крутило-мученикъ!

Выйдя на полянку, я встрѣтила Чубара, который, какъ бы угадывая мое недоумѣніе, заговорилъ:

— Вы осторожно, туда не ходите, гдѣ старый павильонъ.

— Пожалуйста, объясните, что тамъ такое?

— Тамъ шутъ нашъ придворный, теперь онъ страшенъ — запилъ. Видите ли, мы, хоть и не традиціонно, а живемъ какъ въ старину бояры русскіе: имѣемъ шута, дядьку и дѣвицу взаперти.

Жутко становилось сознавать себя среди такой обстановки. И что это за повальное пьянство! Я вспомнила статью въ од-

номъ журналѣ, гдѣ по поводу Староглуповскихъ земцевъ говорилось, что ихъ можно узнать по сизокраснымъ носамъ, а въ одной изъ газетъ описывался пикантный эпизодъ о томъ, какъ предсѣдатель съѣзда мировыхъ судей, отдавъ въ распоряженіе фокусника залу засѣданій, пришелъ туда въ такомъ невмѣняемомъ видѣ, что, не снявъ шубы, сѣлъ на колѣни какой-то дамы, причемъ полиція вывела не его, а злополучную даму.

Все это было характерно, и я подозрительно глянула на идущаго подлѣ меня Чубара. Его носъ, равно какъ и все лицо были блѣдны до прозрачности. Нѣтъ, онъ—не пьяница, а если и пьетъ, то не такъ, какъ другіе, — по крайней мѣрѣ не изъ тѣхъ побужденій. Но все же этотъ панычъ, который превратилъ кого-то въ шута и имѣетъ дѣвицу взаперти...

— Это отвратительно,—невольно произнесла я вслухъ.

— Что отвратительно? – спросилъ Чубаръ.

— Шутъ и дѣвица взаперти. Какъ вы это позволяете?

Чубаръ остановился и серьезно посмотрѣлъ на меня. Я тоже стояла передъ нимъ молча, но ничуть не жалѣла о сорвавшейся съ моего языка фразѣ.

— Я ничего не могу ему не позволить, я самъ баринъ, у котораго бывали и дѣвицы взаперти, и мало ли что. Мы вамъ, молодому поколѣнію, ничего не завѣщали, и я дивлюсь вашей стойкости, вашей любви къ дѣлу. Вы вотъ можете и пристыдить его и запретить ему дѣлать безобразія, а я, я не могу.

Онъ умолкъ, и мы шли нѣсколько минутъ молча. Этотъ надломленный человѣкъ былъ мнѣ удивительно симпатиченъ. Вечеромъ того же дня, онъ пришелъ ко мнѣ чай пить, и мы съ нимъ разговорились; онъ, видимо, хотѣлъ побѣдить мое отвращеніе къ своему племяннику, доказывая, что въ настоящее время лучше быть безшабашнымъ, но добрымъ, чѣмъ приличнымъ умнымъ кулакомъ. Наконецъ онъ заговорилъ о себѣ.

— Въ какія только пучины ни нырялъ я,—говорилъ онъ,— а теперь я не пловецъ больше. Осталось у меня 200 десятинъ, построю хату и стану умирать.

— Но какъ же это вы прожились? – полюбопытствовала я узнать.

— Такъ вотъ... и не пилъ тогда, въ карты никогда не игралъ, сидѣлъ безвыѣздно въ деревнѣ на кулешѣ да галушкахъ, а состояніе провелъ... Есть у меня сосѣдъ-чудакъ, тотъ провелъ такое же состояніе, какъ бы вы думали на что?.. — имѣлъ страсть скупать все у странствующихъ торгашей, все, что увидитъ—купитъ. Венгерцы-мелочники, краснорядцы, бака-

лейщики разнесли и развезли все его добро. Накупитъ, бывало, мундштуковъ, бронзовыхъ запонокъ и прочей дряни и доказываетъ потомъ, что все это ему необходимо. И такая, видите ли, страсть къ бронзовымъ запонкамъ, и та можетъ сдѣлаться роковой у насъ на Руси.

— Но какъ же это?—не вѣрилось мнѣ.

— Ахъ, да чѣмъ же намъ жить? Для того, чтобы не размѣняться на мелкую монету, какъ этотъ, и не спиться, для этого серьезная подкладка нужна, нужно, чтобы было нѣчто, что живетъ, звучитъ и зоветъ насъ, а гдѣ это нѣчто? и потомъ выдержка нужна, закалъ...

Я мало знала жизнь, и разговоры съ Чубаромъ будили въ душѣ моей много разныхъ мыслей. Неужели, думала я, въ этомъ захолустьѣ можно быть только или кулакомъ или разнузданнымъ Шаталенко или Чубаромъ, который самъ себя называетъ мочальнымъ человѣкомъ?

Однажды я зашла къ Степанидѣ Петровнѣ. Еще въ передней слышенъ былъ ея голосъ, сочно выговаривающій: «бли, бле, бля, блю», и мое воображеніе тотчасъ представило себѣ блины, блины и блинчики, все это толстое, жирное, масляное, какъ сама Степанида Петровна, напоминавшая пуховикъ, перетянутый въ нѣсколькихъ мѣстахъ веревочкой. При моемъ появленіи, дѣвушка, сидѣвшая у ея ногъ, вскочила, покраснѣла и потупилась.

Я догадалась, что это была дѣвица взаперти. Степанида Петровна тотчасъ начала жаловаться на тупость ученицы.

Я взялась учить ее, и черезъ два мѣсяца она прочла экономкѣ цѣлую молитву.

Чудная была эта дѣвушка Аксюта. Сначала панычъ держалъ ее взаперти, а потомъ, вѣроятно, ему надоѣли слезы, и онъ ее выпустилъ. Это была поэтическая и нѣжная натура. Голосомъ, въ которомъ всегда точно дрожали слезы, она разсказывала мнѣ о своемъ дѣтствѣ, о томъ, какъ она осталась сироткой, какъ ее взяла Степанида Петровна въ комнаты. Тутъ разсказъ ея всякій разъ обрывался, она умолкала, а я читала въ ея дрожащихъ вѣкахъ повѣсть грубаго насилія, безсильныхъ слезъ, тоски и стыда. Стыдилась она ужасно своего положенія. Управляющій, вся гурьба приказчиковъ и конторщиковъ смотрѣли на нее, какъ на лакомый кусокъ, могущій упасть съ господскаго стола. Я поняла ее, и мы подружились. Школа моя процвѣтала, количество учениковъ росло съ каждымъ днемъ. Когда установились морозы, дѣти приходили изъ-за пяти верстъ, и мы съ

Аксютой немало потрудились надъ отогрѣваніемъ ихъ закоченѣвшихъ членовъ.

Передъ Рождествомъ, когда ученіе прекратилось, на меня напало какое-то дикое веселье; такъ веселиться можно только въ деревнѣ, гдѣ мало внѣшнихъ впечатлѣній, гдѣ много времени и еще больше свободы предаваться невиннымъ удовольствіямъ. А удовольствія были, дѣйствительно, самыя невинныя, почти дѣтскія.

Мы скользили съ горъ до того, что падали подъ вечеръ отъ усталости. На рѣкѣ было устроено катанье, и на сочельникъ мы носились съ Аксютой нѣсколько часовъ подъ-рядъ, пока пришла Степанида Петровна и насильно повела насъ въ домъ.

Ахъ, какъ все было хорошо, патріархально въ домѣ. Около образовъ свѣтились лампады. Въ столовой на угольномъ столикѣ, на пахучемъ сѣнѣ стояли кутья и взваръ въ огромныхъ горшкахъ, обвязанныхъ расшитыми рушниками. Тутъ-же свѣчи въ большихъ шандалахъ, ладонъ на блюдечкѣ. Лежали святцы. Стояли бутылки со святой водой. Пришелъ батюшка съ молитвой. Всѣ подходили цѣловать холодный крестъ и его теплую руку. Но самое лучшее было то, что Шаталенко не было дома. Аксюта находилась тутъ же, она въ первый разъ рѣшилась обѣдать съ нами. Аскалонъ Петровичъ смотрѣлъ на насъ отеческими глазами и торопилъ Степаниду Петровну съ обѣдомъ, но та была непоколебима и ждала звѣзды. Мы чувствовали такой голодъ, что способны были увидѣть звѣзду на потолкѣ.

Батюшка, посмѣиваясь нашему нетерпѣнію, вышелъ во дворъ и, вернувшись, сказалъ:

— Звѣзда возсіяла, кушайте съ Богомъ! — и голосъ его показался намъ небесной музыкой.

Въ мигъ всѣ были за столомъ, уставленнымъ всевозможными пирогами: съ кашей, грибами, рыбой, вязигой съ рисомъ, макомъ и вареньемъ. Напрасно экономка кричала, чтобъ сладкихъ передъ обѣдомъ не кушали, — гдѣ ужъ было тамъ разбирать!.. Подали бурачный борщъ съ сухими карасями, холоднаго судака, жареныхъ лещей и наконецъ кутью и взваръ. Аксюта только что поднесла ложку къ губамъ, какъ зазвенѣлъ колокольчикъ, покрываемый неистовымъ лаемъ собакъ. Хозяинъ пріѣхалъ. Она вскочила, я за ней, Чубаръ настигъ насъ и сталъ уговаривать вернуться, но мы не вернулись.

На другой день я отправилась поздравить Степаниду Петровну. Поставивъ передо мною кофе, она вся углубилась въ смакованіе своего завтрака. Въ своихъ толстыхъ растопырен-

ныхъ пальцахъ, она держала кусокъ печеной колбасы, и глядя на нее, я все боялась, что вотъ, вотъ она откуситъ вмѣсто колбасы кусочекъ своего жирнаго пальца.

Замѣтивъ мою улыбку, она сказала: «надсмѣшницы» и потомъ прибавила таинственно:

— Борисъ Александровичъ хотятъ Аксюту за старшаго приказчика замужъ отдать.

Бѣдная Аксюта, о ней говорили, какъ о вещи. Я молчала.

— А знаете, почему Борисъ Александровичъ ее разлюбилъ?

— Не знаю,—отвѣчала я,—и знать не желаю.

Степанида Петровна лукаво усмѣхнулась, влила въ себя полъ-чашки кофе и только собралась удивить меня чѣмъ-то, какъ вошелъ въ комнату какой-то господинъ.

— Кофе распиваете а мнѣ не даете!..—упрекнулъ онъ ее.

— Милости просимъ,—сказала хозяйка, немножко растерявшись и пугливо оглядывая гостя.

Это былъ Крутыло мученикъ. Болѣзненный, брюзгливый, онъ злобно озирался своими бѣлесоватыми глазами. Нижняя часть его лица высунулась впередъ, а верхняя ушла вся подъ косматые рыжіе волосы. Безъ всякихъ признаковъ бѣлья вокругъ голой шеи, онъ былъ одѣтъ въ драповое пальто съ богатырскихъ панычевскихъ плечъ, и собственныя очертанія его тѣла терялись въ толстыхъ складкахъ одежды. Онъ шагнулъ въ комнату и, раскланявшись, сѣлъ къ столу противъ насъ.

— Задача у меня здѣсь...—ткнулъ онъ себя въ лобъ.— Три дня сроку...

— Да говори уже, что такое...—торопила его толстуха.

— Сегодня уѣзжаютъ наши въ городъ на три дня. Къ Новому году—всѣ къ намъ... Ну, 1-й день—кутежъ, 2-й—охота, тамъ опять кутежъ, а на закуску-то, послѣ всего?.. придумать надо!.. Такое тутъ требуется, чтобъ всѣ ахнули... чтобы помнили Крутылу!..

Вся эта рѣчь была пересыпана икотой и припадками отрыжки, отъ которой кривились его сухія синія губы.

— Только ужъ, пожалуйста, чтобы такихъ безобразій не было, какъ прошлый годъ. Что они сдѣлали,—обратилась толстуха ко мнѣ,—заперли въ амбарѣ живого волка для травли. Тоже на святки съѣхались всѣ. Кутили, кутили, давай травить волка. А мятель тогда была такая, что за шагъ ничего не видно.. Волкъ и ушелъ. Сдѣлали облаву въ саду,—нѣтъ ни-

гдѣ... А онъ привыкъ спасаться въ амбарѣ, да и попалъ къ сосѣду въ открытый хлѣвъ. Его не замѣтили, да туда же и свиней на ночь загнали. Утромъ оказалось: свиньи погрызены, а одна съ отъѣденнымъ задомъ,—все и объяснилось. Пришлось намъ заплатить по 5 руб. за 20 штукъ.

— Такъ что жъ,—свиней же вы забрали!..—оправдывался Крутыло.

— Конечно... да и выздоровѣли всѣ на мою голову... всѣ 19... не знаю теперь, куда ихъ и дѣвать.

— А продать...

— Продайте-ка такую уйму!.. да своихъ еще съ 15 продажныхъ.

— А колбасы любите...—дразнилъ Крутыло.—Вотъ что!—вдругъ вскочилъ онъ.—Придумалъ, придумалъ!.. т. е. на какую вы меня мысль навели, Степанида Петровна, тетенька моя дорогая!!. вотъ будетъ сюрпризъ!..—И онъ въ волненіи забѣгалъ по комнатѣ.—И такое выйдетъ удовольствіе, такое, можно сказать, паскудство, что всѣ ахнутъ...

— Такъ это я тебя на паскудство навела, я?—возмутилась Степанида Петровна.

— Вы, тетенька, вы!..

— Хоть бы ты барышни постыдился!

— Что барышня!—икнулъ онъ въ мою сторону,—она свое дѣло исполняетъ, а я свое... Оба мы тутъ, чтобы угождать Борису Александровичу... и вы тоже, тетенька...

Тетенька не нашлась ничего отвѣтить, хотя ей очень хотѣлось сдѣлать это, и она тревожно-участливо посмотрѣла на меня. Крутыло тоже глянулъ на меня, икнулъ, рыгнулъ и, нахально улыбаясь и кривясь отъ боли, сказалъ:

— Служимъ мы потому, что кушать, кушать хочется намъ, барышня, кушать!—закривлялся онъ плаксиво и истерично.—А питки, питочки—еще болѣе того!.. вотъ что!.. дорогая вы моя... вотъ и долженъ я зарабатывать въ повиновеніи... Душа-то и у меня есть!.. Сосетъ это меня, сосетъ... ненавижу я и себя, и другихъ... Вырвалъ бы свое сердце, да такъ бы съ кровью и бросилъ въ людей... и потянетъ меня тогда въ павильонъ,—вотъ, что амурчики на потолкѣ... Пью я, пью и какъ начнетъ во мнѣ водка горѣть, давай тогда Іоська въ меня навозъ наливать...

— Ну, какъ вамъ не стыдно это разсказывать,—остановила его Степанида Петровна.

— Льетъ онъ, льетъ зря... вездѣ... Очнусь я и вижу: по-

стель вся облѣплена навозомъ, самъ весь, рожа вся облѣплена навозомъ, во рту навозъ... брр... а съ потолка розовенькіе амурчики глядятъ на меня и цвѣтами сыплютъ. Страсть я ихъ не люблю тогда, сгребаю я тогда всю эту нечисть кругомъ, и ну швырять въ ихъ розовенькія личики, и ну швырять.

— Хорошо, есть чѣмъ хвастаться, моютъ потомъ, не домоются,—заключила экономка.

— Вотъ потому я и пьяница, а вы, можетъ быть, и умницы, да мнѣ плевать.

Это была странная логика, но неотразимая для бѣднаго Крутылы-мученика, какъ назвалъ его Іоська — единственный свидѣтель его пьяныхъ мукъ.

Вся эта сцена вызвала во мнѣ невольное содроганіе во всемъ тѣлѣ. Я хотѣла уйти, но Крутыло предупредилъ меня, и я осталась.

— Что это онъ придумалъ такое?—заволновалась Степанида Петровна, когда онъ ушелъ.

— Разскажите, откуда онъ взялся?

— Да... уже онъ, кажется, 15 лѣтъ какъ здѣсь—начала толстуха.—Служилъ въ полиціи, франтомъ былъ такимъ, что ну!.. Да только и тогда былъ кутилой. Промоталъ онъ казенныя деньги, всего сотъ три, да испугался, ушелъ въ нашъ лѣсъ и спрятался у лѣсничаго. А покойный баринъ, папаша нашего паныча, взялъ его къ себѣ. Тогда онъ назывался Варфоломей Ильичъ Крутьевъ — такой былъ молодчина!.. При шпорахъ! Баринъ уплатилъ за него, да съ тѣхъ поръ какъ поставилъ его шутомъ, такъ онъ и до сихъ поръ...

Тоска навалилась камнемъ на сердце отъ этихъ разсказовъ, и я поспѣшила къ себѣ.

Чубара уже не было, и одна Аксюта развлекала меня.

Мы ходили на деревню смотрѣть ея домъ, но видъ кабацкой вывѣски на его входныхъ дверяхъ совсѣмъ разстроилъ ее.

— Чей-же теперь этотъ домъ?—спросила я.

— Братъ продалъ, еще когда живъ былъ. Не такъ жалко дома, какъ сада и огорода. Шинкарь изъ однѣхъ осинъ цѣлый амбаръ выстроилъ, а покойная мамаша одной капустой изъ своего огорода за брата въ училище выплачивала.

Такъ жаловалась Аксюта, а мнѣ стало невыносимо тяжело. Куда дѣвалось мое радостное настроеніе? Ахъ, скорѣй бы эти святки ушли въ вѣчность!.. И они были почти на исходѣ, когда съ громомъ и звономъ ухарскихъ троекъ влетѣлъ Бо-

рисъ Александровичъ въ свою усадьбу, съ цѣлой толпой гостей и музыкой.

Вотъ кому живется весело и хорошо. Не родись уменъ и пригожъ, а родись со скорбной головою. Тоска разбирала меня, да еще бы не тоска, когда до самой школы доносились пьяные крики и безумные возгласы.

Мнѣ стало страшно быть одной въ школѣ, и я отправилась къ Степанидѣ Петровнѣ. Тутъ у нея была и Аксюта. Она мнѣ очень обрадовалась.

— Пьютъ они какъ... Боже мой! — говорила она, прикладывая руки къ щекамъ и качая головой.—Тетенька едва успѣваетъ, а Аскалонъ Петровичъ полѣзъ уже сонный... Они его непремѣнно искалѣчатъ!

— Какъ же это съ нимъ бываетъ? — спросила я, замирая отъ страха.

— Такъ вотъ: сидятъ всѣ за столомъ, пьютъ да смѣются... а чему—неизвѣстно... одинъ начнетъ—извините—ржать, и всѣ подхватятъ; хохочутъ, хохочутъ, да всѣ въ разъ и заржутъ... ей-Богу, какъ табунъ. А Аскалонъ Петровичъ и говоритъ: дѣти вы, дѣти глупые... безобразные... не хочу я больше съ вами и пить съ жеребятами... да и ляжетъ на диванъ, а Крутыло уже знаетъ... собираетъ столы, стулья и къ большому органу и подсунетъ, а на органѣ еще — подъ самые хоры намоститъ... Ну, долго ли упасть?

— И что же Чубаръ?

— Ну и полѣзетъ всѣмъ на потѣху...

— А Борису Александровичу не жалко такъ съ дядей обращаться?—воскликнула я.

— Ему никогда никого не жалко,—отвѣтила уныло Аксюта.

— Аксюта,—сказала я,—пойдемъ лучше съ тобой на деревню или къ батюшкѣ, страшно мнѣ здѣсь.

Аксюта посмотрѣла на меня и поблѣднѣла. Мы близко подвинулись другъ къ другу.

Изъ зала доносился ужасный голосъ Шаталенко.

— Любишь ты его?—спросила я ее невольно.

Она отвернулась и молчала.

— Пошла бы ты за него, Аксюта?

— Развѣ онъ на мнѣ когда женится, — вдругъ заговорила она,—если бы онъ хотѣлъ, не такъ бы онъ, не такъ!

Въ этой простой фразѣ вылились всѣ ея разбитыя дѣвичьи мечты. «Не такъ»—какое простое слово! Въ это время голоса точно стали приближаться. Я никогда не забуду того чувства

ужаса, которое охватило меня: мнѣ казалось, что вся эта пьяная ватага ввалится къ намъ и начнетъ оскорблять насъ. И некому за насъ заступиться. Я дрожала и плакала, Аксюта волновалась и напрасно силилась успокоить меня. — Не бойтесь, барышня, не бойтесь, — утѣшала она меня, и наконецъ, видя, что я не унимаюсь, она подошла къ двери, приперла ее собой и сказала твердымъ голосомъ: — не дамъ я васъ въ обиду. — Эти слова нѣсколько отрезвили меня, мнѣ стало совѣстно, я какъ въ чаду подошла къ ней и тоже стала у двери.

— Пустите, пустите! — раздался голосъ Степаниды Петровны. Мы не пускали, но сильнымъ натискомъ она отодвинула насъ и, вошедши, завопила:

— Свиней, свиней будутъ въ летъ стрѣлять. Гдѣ мой платокъ. Господи, гдѣ мой платокъ? Аксюта, дай, голубка, мой платокъ.

И, накинувъ платокъ на голову, она помчалась изъ дому. Всѣ голоса умолкли, и цѣлая толпа прошла мимо нашихъ оконъ. Къ намъ пришла горничная; она хохотала и разсказывала, что Крутыло-мученикъ выдумалъ свиней въ летъ стрѣлять. Степанида Петровна чуть не померла на мѣстѣ, какъ узнала объ этомъ.

— Да какъ же это можно свиней стрѣлять въ летъ, вѣдь онѣ не летаютъ? — удивилась я.

— А ихъ будутъ на клуню втаскивать и, когда покатятся, стрѣлять.

Я была поражена этой глупой потѣхой и стала просить горничную не уходить отъ насъ.

— Чего вы, барышня, боитесь, — сказала она, — Борисъ Александровичъ сказали: кто смѣетъ учительшу тронуть, того убью. Сторожей около школы поставили, женѣ приказчика велѣли въ первой комнатѣ ночевать сегодня.

Все это меня нѣсколько успокоило. Горничная ушла, и мы для предосторожности потушили у себя огонь и сѣли къ окну. Никакіе разговоры не лѣзли намъ на умъ. Не знаю, что думала Аксюта, но то, что я испытывала, было глубокое отвращеніе къ этимъ панамъ, которые такъ безобразно, такъ дико проводятъ праздники. Неужели это все дѣлается въ то время, когда столько занозъ, столько ранъ ноетъ и болитъ въ душѣ каждаго мыслящаго человѣка?

Вдругъ изъ-за школы показался какой-то невѣдомый свѣтъ, точно всходила луна, еще, еще, сильнѣе, сильнѣе, и громадное зарево освѣтило дворъ. — По-ж-а-рръ! — крикнулъ кто-то такимъ

ужаснымъ голосомъ, что мы, какъ безумныя, кинулись изъ дому и побѣжали. Кто не жилъ въ деревнѣ, тотъ не знаетъ, какой ужасъ производитъ слово пожаръ и видъ зарева. Горѣли скирды на барскомъ гумнѣ, нечаянно зажженномъ. Черезъ часъ вся деревня была на ногахъ, и всѣ были свидѣтелями неистовыхъ, безобразныхъ выходокъ пьяныхъ господъ. О позоръ, позоръ! Я плакала отъ смѣшаннаго чувства стыда и безсильной злобы. Вотъ почему къ намъ не имѣютъ довѣрія, вотъ почему мы, желающіе сдѣлать что нибудь для меньшей братіи, видимъ, что намъ не довѣряютъ, насъ не любятъ и на все, что бы мы ни дѣлали, смотрятъ какъ на праздную забаву. Чубаръ не правъ, говоря, что они намъ ничего не завѣщали; намъ завѣщано многое, но все такое, отъ чего отвернуться нужно...

Нѣсколько дней послѣ этой злополучной ночи, когда всѣ разъѣхались, я не выходила изъ школы. Все мнѣ было противно въ этой усадьбѣ разнузданнаго паныча. Аксюта тоже не показывалась.

Начались занятія, и я нѣсколько успокоилась.

Въ первое воскресенье послѣ праздниковъ явилась ко мнѣ Степанида Петровна и начала уговаривать навѣстить Чубара: «ужъ очень онъ плохъ, а Борисъ Александровичъ такъ стыдятся, такъ стыдятся, что и сказать нельзя». Нечего дѣлать, я отправилась навѣстить больного. Въ залѣ я встрѣтилась съ Шаталенкомъ, и оба мы отшатнулись другъ отъ друга.

Онъ юркнулъ въ кабинетъ, а я пошла дальше. Чубаръ былъ похожъ на мертвеца. Я сѣла около него и молчала; я ничего не могла сказать ему.

— Гадки мы вамъ, гнусны мы вамъ показались, — началъ онъ упавшимъ голосомъ.

Я молчала.

— Мы напугали васъ.

— Не это было самое ужасное,—возразила я.

Все, что я пережила въ ту страшную ночь, точно опять нахлынуло на меня, и я убѣжала къ себѣ, бросилась на кровать и разрыдалась.

ГЛАВА IV.

Только рядъ здоровыхъ и трудовыхъ будней возстановилъ мои нервы и привелъ въ себя. Чубаръ все еще былъ боленъ, Шаталенко бѣгалъ отъ меня и цѣлый день гдѣ-то пропадалъ. Аксюту просватали за старшаго приказчика. Она сдѣлалась грустна и видимо начала избѣгать встрѣчаться со мной. Мнѣ это было больно, но я не хотѣла врываться къ ней съ непрошеннымъ участіемъ. Она переживала трудное время и видимо хотѣла быть одна съ собой.

Помню, мнѣ понадобилась книжка, которую я дала читать Аксютѣ, и я пошла къ ней. Женихъ сидѣлъ у нея и о чемъ-то сердито говорилъ. При моемъ появленіи онъ вскочилъ, низко поклонился и быстро исчезъ. Аксюта казалась сильно взволнованной. Я подсѣла къ ней, и она, запинаясь и волнуясь, стала говорить мнѣ о томъ, что женихъ заставляетъ ее просить у паныча больше того, что онъ желаетъ дать.

— Ну, какъ его, какъ приступить, — воскликнула бѣдная дѣвушка.

У меня мурашки забѣгали по спинѣ отъ этого восклицанія, а она, помолчавъ немного, проговорила чуть слышно:

— Вы, барышня, скажите ему...

— Я? кому?—спросила я.

— Да Борису Александровичу.

Я отодвинулась и почти съ ужасомъ смотрѣла на нее. Аксюта конфузливо потупилась. Разговоръ у насъ не клеился, и я ушла къ себѣ. Въ этотъ вечеръ я узнала, что меня просватали за паныча. Объ этомъ говорили, какъ о дѣлѣ рѣшенномъ, и я поняла Аксюту. Она хотѣла возложить на меня, какъ на будущую счастливую супругу, торгъ за свой позоръ. Бѣдная дѣвочка! это извѣстіе возбудило въ душѣ моей цѣлую бурю. Неужели онъ, этотъ взбалмошный панычъ, смѣетъ думать, что достаточно ему захотѣть, а съ моими желаніями справляться не стоитъ? Мысль эта не дала мнѣ заснуть цѣлую ночь. На другой день я имѣла длинное объясненіе съ Чубаромъ. Я вылила передъ нимъ все свое негодованіе по поводу себя и по поводу Аксюты, но Чубаръ имѣлъ какую-то удивительную способность все умиротворить и во всемъ найти хорошую сторону. Какъ ни была я возбуждена и взволнована, но подъ конецъ нашего спора я чувствовала, что положеніе Аксюты не безнадежно, и мнѣ нечего оскорбляться тѣмъ, что всѣ домашніе

меня сватаютъ: вѣдь самъ взбалмошный панычъ боится говорить со мной и тщательно меня избѣгаетъ.

— Право, барышня,—сказалъ онъ мнѣ на прощанье,—возьмите его на веревочку. Вчера онъ даже плакалъ и каялся во всѣхъ своихъ прегрѣшеніяхъ.

Я почувствовала какое-то невольное удовлетвореніе. Пусть же и онъ, который вызывалъ слезы горечи и страха, поплачетъ, пусть, а Чубаръ, какъ бы понявъ мои мысли, прибавилъ:

— Никакихъ словъ вы, барышня, не говорили, никакихъ рѣчей, а какъ узнали мы, какъ вы плакали, такъ мы готовы были сквозь землю провалиться. И Шаталенко первый разъ въ жизни всю ночь въ трезвомъ видѣ не спалъ и мучился.

Мы разстались съ Чубаромъ, и вскорѣ я должна была сознаться, что онъ былъ великій серцевѣдъ.

Аксюта вышла замужъ въ послѣдній день передъ масляной. Она сіяла въ своемъ новенькомъ розовомъ, шелковомъ платочкѣ. Она больше не избѣгала меня и совсѣмъ перестала мнѣ нравиться. Она любила говорить о томъ, какъ мужъ простилъ ее, какъ онъ ее любитъ, какъ жалѣетъ и какъ она ему благодарна. Она была изъ числа тѣхъ женщинъ, которыя, вышедши замужъ, тотчасъ получаютъ окраску своего мужа, а я, я перестала сердиться на паныча.

Странно проходитъ время въ деревнѣ.

Томительно длинныя сутки ползутъ и ползутъ своимъ непрерывнымъ рядомъ часовъ, похожихъ одинъ на другой, какъ звенья цѣпи... а пройдетъ недѣля, мѣсяцъ, цѣлый годъ, и кажется, что прошелъ только день—такъ мало содержанія и впечатлѣній остается позади. И вотъ такъ-то мирно и тихо, отсылая, по одной, всѣ семь недѣль въ вѣчность,—прожили мы великій постъ.

Пасха прошла какъ всегда: торжественно, свѣтло отражаясь веселымъ, праздничнымъ ликованіемъ на всѣхъ лицахъ. Всѣ, какъ водится, перецѣловались, кромѣ паныча, который былъ мраченъ, подобно грозовой тучѣ.

Чубаръ уѣхалъ сколачивать себѣ хатку, и я осталась совсѣмъ одинокой.

А весна была такая прекрасная, и такъ хотѣлось пройтись за рѣчку, въ степь, если-бы захотѣла Аксюта; но она по цѣлымъ днямъ шила, сидя на балконѣ, и казалась такъ неприступно счастлива, что было даже неловко звать ее гулять въ поле.

Мое одиночество все чаще и чаще наводило на мыслъ объ

панычѣ. Неужели онъ меня въ самомъ дѣлѣ любитъ, и изъ него можно что нибудь сдѣлать? И вотъ въ одну изъ такихъ минутъ, въ теплый день конца апрѣля, когда я сидѣла на крылечкѣ школы, ко мнѣ подошелъ Шаталенко.

— Вамъ, отъ дяди,—подалъ онъ мнѣ письмо.

Пока я читала, онъ стоялъ передо мной, опустивъ голову и тихонько хлопая кнутомъ по своимъ ногамъ, въ высокихъ сапогахъ.

— Чубаръ проситъ меня пріѣхать съ племянникомъ, ручаясь за его степенность въ дорогѣ,—сказала я, обращаясь къ нему.

Онъ вспыхнулъ и поднялъ на меня глаза.

Мнѣ стало его жалко.

— Поѣдемте,—сказала я.

Онъ бросился въ конюшню, и я видѣла, какъ онъ самъ, не давая ничего сдѣлать кучеру, запрягалъ лошадей. Когда онъ подкатилъ къ крыльцу, я не безъ смущенія усѣлась въ маленькій фаэтонъ.

Быстрая ѣзда и чудный весенній воздухъ наполняли меня сладкимъ трепетомъ. Молчавшій панычъ не мѣшалъ мнѣ любоваться переливами красокъ ожившихъ степей, которыя бѣжали и бѣжали куда-то вдаль, то зелеными полосами озимыхъ посѣвовъ, то черными—свѣже-вспаханной земли. Небольшіе холмы и лощины, уцѣлѣвшіе отъ плуга, волновались высокими прошлогодними пучками тирсы, метлицы и ковыля, съ яркими, новыми побѣгами свѣжей травки, а степной царекъ, голосистый жаворонокъ, лилъ на все это свою безконечную, однообразную трель, съ неуловимой высоты. Хороша ты, широкая степь, и вдохновляюще велики твои далекіе горизонты!

Мы спѣшили ѣхать и дышать влажнымъ и теплымъ воздухомъ, способнымъ заставить прозябать на голомъ камнѣ. Ахъ, жить хорошо!

Шаталенко повернулъ нѣсколько голову. Я взглянула на него сбоку: его розовая щека, съ золотистымъ пушкомъ, рдѣла на солнцѣ. Вытянутыя руки съ возжами и богатырскія плечи упруго и мощно вздрагивали. Было-ли ему весело?—возникъ во мнѣ вопросъ. Но я не успѣла отвѣтить на него, какъ мы подъѣхали къ крыльцу маленькаго флигелька, гдѣ помѣщался Чубаръ.

Чубаръ мнѣ такъ обрадовался, что мнѣ совѣстно стало, и въ благодарность за это, я готова была приласкать его племянника. Но онъ куда-то исчезъ и не пришелъ до вечера.

— А теперь, — обратился ко мнѣ Чубаръ послѣ обѣда,— пойдемъ къ Агафьюшкѣ кофе пить. — Вотъ увидите ее... меня еще няньчила.

Мы вошли черезъ сѣни отдѣльной избы въ маленькую комнатку, съ лежанкой подлѣ большой печи. Насъ встрѣтила сгорбленная, сморщенная старушка, съ горящимъ угольком въ ложкѣ; она немедленно бросила его въ кофейникъ. Уголекъ зашипѣлъ и она сказала:

— Готовъ кофеекъ,—милости просимъ.

На меня она покосилась сначала, но потомъ радушно улыбнулась. На столѣ размѣщались принадлежности къ кофе, какихъ не встрѣтишь уже нигдѣ. Темно-коричневый кофейникъ изъ кіевской глины съ крышечкой, которую примазывали каждый разъ во время варки, оставляя для пара только маленькую дырочку сверху. Темная деревянная мельница, большая и неуклюжая, стояла тутъ-же. Я взялась за ея ручку, и она, дребезжа всѣмъ составомъ, старчески прохрипѣла: «не трррон,— умр-р-р-ру». О, только такія старыя, имѣющія свою исторію вещи умѣютъ говорить!

Тутъ-же, какъ контрастъ съ разрушеніемъ, аппетитно благоухали горшечки съ румяными пѣнками густыхъ сливокъ до краевъ. Ихъ готовилось по числу персонъ. Цѣлая батарея пузанчиковъ ихъ земляковъ виднѣлась съ полки, и тамъ-же блестѣли кофейники, восходя величиной до размѣровъ самовара. Среди стола возвышалась горка коржиковъ, въ черномъ, бумажномъ лоткѣ, съ незабудками и бѣлой ромашкой.

Кто не пилъ кофе при такой обстановкѣ, тотъ не имѣетъ понятія о немъ. Тутъ нужна и та жаровня, закрывающаяся герметически, что виситъ вонъ на стѣнкѣ; вся она, и мельничка, и комната, и сама Агафьюшка пропитались запахомъ кофе и приняли его цвѣтъ. Варится онъ здѣсь педантически: собираются какіе-то переварки, и здѣсь никогда не кладутъ цикорія или другихъ суррогатовъ. О, это былъ старинный кофе, съ букетомъ умершаго, Чубаровскаго барства,—сластолюбиваго, прихотливаго. Съ тѣмъ-же Чубаровскимъ сладострастіемъ и мы прихлебывали изъ старинныхъ чашекъ, а Агафьюшка повѣствовала:

— Покойная барыня, какъ съѣдутся бывало сосѣди и заночуютъ, скажетъ:—«ну Агафьюшка, какъ бы ты намъ утречкомъ *кейфъ* устроила». Встанешь тогда до зари. Горшечковъ этихъ со сливками наставишь цѣлый каминокъ, и чтобы пѣнокъ до самаго дна... А кофе ливанскій: пока сваришь, голова закружится... Повстаютъ, все готово. Господа это въ халатахъ,

съ трубками, барыни въ капотахъ бѣлыхъ. Всѣ на диванахъ, подобравши ноги. И пойдетъ этотъ кейфъ до самаго вечера. Сначала со сливками, а тамъ ромцу подашь. И никого бывало не допускаютъ въ диванную, кромѣ меня. Была у насъ помѣщица одна... полная такая, косы по пяты... ну ужъ такая утѣшница, да разсказчица!.. хохочутъ такъ, что стонъ стоитъ... Она же и кейфъ этотъ придумала. И все то брехала, говорятъ, да такъ же занятно, что бывало за дверью вся челядь сберется слушать и со смѣха покатывается...

Такъ говорила Агафьюшка, а ея крѣпкій, душистый кофе, шумя въ ушахъ и головѣ, пристукивалъ и шепталъ: такъ, такъ, такъ! все это было въ старое, доброе время! Все ушло, ушло, а съ Агафьюшкой уйду и я въ могилу, и не знать вамъ больше кейфа!

— Ну, спасибо за кейфъ,—сказалъ Чубаръ.

— Закружила ты намъ совсѣмъ головы,—добавила я.

— А у меня вода готова съ ледкомъ, — предложила намъ Агафьюшка. И мы освѣжились.

Я рѣшила произвести экзаменъ въ концѣ мая и назначила для этого день. Въ ассистенты приглашены были Чубаръ и батюшка. Меня пріятно волновало приближеніе этого торжества, на которомъ и прежде я привыкла похвастаться успѣхами...

Съ тѣхъ поръ прошло три года, но я и теперь не могу вспомнить безъ трепета этого дня, въ который мнѣ приходилось волноваться всѣми чувствами торжествующаго педагога и испытать затѣмъ весь ужасъ разочарованія оскорбленнаго и раздавленнаго человѣка.

Могла ли я знать тогда, что пока я пріятно волнуюсь и хлопочу, готовясь къ экзамену,—въ таинственномъ домикѣ, въ саду, снѣдаемый тоской и ненавистью ко всему человѣчеству, звѣроподобный Крутыло-мученикъ, швыряя навозомъ въ розовыхъ амурчиковъ, обдумываетъ извѣтъ, и какъ только получилъ способность владѣть перомъ, — онъ написалъ и послалъ его?!

Былъ свѣтлый, теплый, майскій день. Чубаръ, батюшка и я сидѣли за экзаменаторскимъ столомъ, который для большей торжественности я застлала своей красной шалью.

Дѣти подходили, говорили молитвы, читали, писали задачи... Дѣло близилось къ концу, когда во дворѣ раздался почтовый колокольчикъ, и тройка остановилась подлѣ школы...

Что было потомъ, когда нибудь разскажу.

Софья Арцимовичъ.